

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРА: «ПЕРВИЧНОЕ» И «ВТОРИЧНОЕ», ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Так называлась региональная научная конференция, проходившая 28—30 мая 1991 г. в Архангельске. Она была организована кафедрой отечественной истории Архангельского гос. педагогического ин-та (АГПИ) и Лабораторией экологии культуры Ин-та экологических проблем Уральского отделения АН СССР. Одновременно проходили заседания Северо-Западной секции Научного совета АН СССР по историографии и источниковедению и Третьего Соловецкого форума. В работе конференции приняли участие ученые из Москвы, Ленинграда, Мурманска, Петрозаводска, Вологды, Сыктывкара, Архангельска, Новгорода, Ярославля, Владимира, Курска, Омска, Тобольска, Новосибирска, Якутска и других городов РСФСР. На пленарных и секционных заседаниях было представлено около 100 докладов и сообщений, опубликованных в тезисном изложении в сборнике материалов конференции.

Конференцию открыл проректор АГПИ по научной работе Ю. Ф. Лукин (Архангельск). Начальник управления культуры Архангельского облисполкома Ю. В. Матвеев (Архангельск) рассказал об основных направлениях развития культуры области в период перестройки. Заместитель Министра образования РСФСР А. А. Тюков (Москва) в докладе «Высшее педагогическое образование и возрождение культуры народов Севера» затронул теоретические аспекты динамического развития структуры *знание — наука — образование*. Без единства обучения и воспитания, подчеркнул докладчик, невозможно строить целостную систему непрерывного образования.

П. А. Колесников (Архангельск) в докладе «Экология природы и культуры: взаимодействие и влияние на генофонд народа» (доклад полностью опубликован в многотиражной газете «Ломоносовец». 1991. № 19—20) обратил внимание участников конференции на опасность экологического кризиса, разрушающего здоровую генетическую наследственность. Однако историки, этнографы, творческие, архивные и музейные работники, преподаватели вузов и школ разобщены, до сих пор отсутствуют координация и средства для осуществления комплексной программы изучения материальной и духовной культуры. П. А. Колесников высказался за создание Координационного научного центра АН СССР — Института человека. Это мнение поддержал А. А. Курагов (Архангельск) в докладе «Инновации в интеграционном изучении народной культуры Севера», в котором обобщил исследования последних лет в области культурологии. Оставаясь на позициях историзма, указал докладчик, ученые хотели бы понять типы мышления народов Севера, формы их ментальности и институты общественного бытия, запечатленные в памятниках истории и культуры. В настоящее время, по его мнению, оформилась целая междисциплинарная отрасль научных знаний о культуре на новой методологической основе вне догм сталинистской идеологии. В новых исследованиях народная культура рассматривается как система жизненных ориентаций в контексте социальной истории.

А. В. Камкин (Вологда) в докладе «Проблемы изучения сельского прихода XVI—XVIII вв. как особой формы крестьянского общежития» рассмотрел православный сельский приход на европейском Севере России как самостоятельный феномен народной христианской культуры. Он предложил ряд новых подходов к изучению приходской истории: география и населенность прихода, эстетика и символика храморасположения и храмостроительства, отношения внутри прихода, просветительская деятельность клира, культура христианских праздников и нормы православного благочестия и т. д.

Религиозным истокам народной культуры Русского Севера был посвящен доклад Н. М. Терехина (Архангельск). Опираясь на идеи современной светской и богословской культурологии, докладчик сделал вывод о том, что «первичным» в русской культуре являлся ее сакральный центр, а «вторичным» — профанная периферия. Моделирующие функции северо-русской народной культуры проявились в восприятии Русского Севера как «светлого», т. е. святого, и в этом смысле он выступил прообразом, «символом всей России — Святой Руси», землей обетованной. Поэтому открытие и освоение Севера — «это прежде всего духовный подвиг русского народа, важный шаг на пути его самопознания, превративший Север из географического понятия в категорию религиозно-духовного характера». Представление о народной культуре Русского Севера как обобщенном образе (модели) всей русской культуры достаточно полно раскрылось в организации земского строя, основанного на союзе крестьянских «миров». Северный «мир» — это микрокосм, воплотивший в себе три ипостаси священного макрокосма русской жизни — святости, царства и земства. Трехчленная сакральная организация северного «мира» определяла архитектурно-пространственную форму северо-русской культуры, с одной стороны, и внутренний мир ее носителей — с другой. Анализ менталитета наиболее выдающихся представителей этой традиции провел Н. Л. Коньков (Тобольск) в докладе «„Славные члены поморской церкви“ и отечественная культура XVIII в.», в котором выстроена галерея знаменитых северян: «рудознатец» Ф. Прядунов, писатель-старообрядец С. Петров, архангельский промышленник А. Корнилов и др.). Докладчик обоснованно считает, что «северо-русские старообрядцы шли в

* Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации // Тез. докл. и сообщений региональной научной конференции, 28—30 мая 1991 г. Архангельск, 1991.

первых рядах промышленного прогресса», поэтому вряд ли справедливо изображать их реакционной силой, тормозившей прогрессивное развитие страны. В докладе А. А. Севастьяновой и В. Н. Колякова (Ярославль) «Архив наместника: Архангельская земля в 1779—1784 гг.» дана развернутая персоналия А. П. Мельгунова, наместника огромного северного края — ярославских, вологодских и архангелогородских земель. Большой интерес вызвал доклад Э. П. Карпеева (Ленинград) «Особенности русской культуры и М. В. Ломоносов». Деятельности Комитета для помощи поморам Русского Севера был посвящен доклад Т. А. Шрадер (Ленинград). А. Н. Давыдов (Архангельск) представил на обсуждение «Международную и междисциплинарную исследовательскую программу „Морская культура на Севере Европы“» (опубликована в приложении к Программе конференции), в которой выделены следующие направления в изучении поставленной проблемы: 1) море и морское побережье как среда обитания человека; 2) археология прибрежной зоны и островов на Севере Европы; 3) рыболовы и охотники на морского зверя; 4) морская культура крупных портовых городов; 5) корабль как явление культуры; 6) мореплавание и язык; 7) морская культура в музеях стран Северной Европы; 8) морская культура и освоение Арктики. Автор этой программы предполагает привлечь к коллективному исследованию специалистов различных отраслей научных знаний — археологов, этнографов, историков, географов, лингвистов, литературоведов, архитекторов, искусствоведов, архивных и музейных работников, краеведов. Реализация программы (1992—2001 гг.) предусматривает международное сотрудничество ученых СССР, Норвегии, Финляндии, Швеции, Дании, Нидерландов, Германии и Великобритании.

Отдельное пленарное заседание было посвящено Соловкам. В его работе приняли участие докладчики Третьего Соловецкого форума. В докладе А. Я. Мартынова «Соловки: состояние, проблемы, перспективы», а также в сообщениях Н. Н. Черенковой «Соловки в системе особо охраняемых территорий», А. А. Сошиной «Из истории СЛОНа» (все докладчики — сотрудники Соловецкого музея-заповедника) были поставлены животрепещущие вопросы деятельности музейного коллектива в новых условиях. Содержательную часть соловецкой тематики дополнили доклады Е. М. Юхименко (Москва) «Соловки и Выг: связь и преемственность» и В. П. Грехова (Москва) «Соловки: сохранить правду истории» (в соавторстве с С. В. Трифоновым). Участники конференции и Соловецкого форума приняли обращение к Президиуму Верховного Совета РСФСР, Московской Патриархии и Архангельской епархии, в котором передача возрождающемуся Соловецкому монастырю в бессрочное и бесплатное пользование ряда зданий, сооружений и предметов материальной культуры, ранее принадлежавших монастырю, была признана исторически справедливой.

На заключительном пленарном заседании с интересным докладом выступил В. И. Коротаев (Архангельск): «Коммунистический хронотоп в идеологии государства диктатуры пролетариата в 1920-х годах: Первичное и вторичное в советском менталитете». Выделение коммунистического хронотопа в идеологии государства диктатуры пролетариата, как считает докладчик, оправдано как его отношением к сфере универсалий культуры, так и вследствие сохранения синкретичного мировосприятия у людей в условиях 1920-х годов. Хронотоп исследуется как одна из форм менталитета, в основе которого находилось массовое сознание мессианско-эсхатологического характера. Время построения социализма было объявлено переходным периодом от капитализма к коммунизму, при этом прошлое высмеивалось и осуждалось, а настоящее было подчинено задачам «светлого будущего», по смыслу — Царство Божию на Земле. Новый (григорианский — общеевропейский) календарь, заменивший в феврале 1918 г. старый (юлианский, аграрно-крестьянский), был революционизирован-сакрализован датами «красного календаря». Синхронно с первой составляющей хронотопа — временем создавалась его вторая ипостась — пространство, или государство диктатуры пролетариата — пролетарское отечество, в том числе и мирового пролетариата. Это «новое» пространство было освящено и номинационно — переименованием старых и наименованием новых населенных пунктов, улиц, проспектов, площадей не только в нашей стране, но и за рубежом. В итоге оформился коммунистический хронотоп, символизировавший коммунистический мир, обособленный от остального мира.

На конференции работали пять секций.

На секции «Социально-экономические и политические аспекты истории и культуры Севера» были заслушаны следующие доклады: «Структура Вологодского и Белозерского посадов в XVII в.» (К. А. Верьянов, Москва), «Частное предпринимательство и культура России в XVIII в.» (Н. Н. Репин, Курск), «Об освещении интервенции в советской историографии: к проблеме взаимоотношения истории, идеологии и политики» (А. Н. Зашихин, Архангельск), «Утраченные пути самобытного развития крестьянского хозяйства на Севере» (С. И. Шубин, Архангельск) и др.

На секции «Историография и источниковедение истории и культуры Севера» были прочитаны доклады: «К проблеме конституирования памятников культуры» (Т. А. Малкова, Сыктывкар), «Неопубликованные мемуары в фондах вологодских музеев» (Н. И. Решетников, Москва), «М. В. Ломоносов и античность» (В. И. Шубин, Архангельск), «М. В. Ломоносов о проблемах медиавистики» (Ю. К. Новожилов, Архангельск), «Русский Север в коллекциях Музея М. В. Ломоносова» (И. В. Бренева, Т. М. Моисеева, Ленинград), «Народная культура и музейная политика» (В. А. Шапошник, Соловки), «Загадки работы В. И. Ленина „О кооперации“» (А. П. Воробей, Северодвинск), «Издательская деятельность земств Вологодской губернии в 70-х годах XIX в. — 1917 г.» (О. М. Бондаренко, Сыктывкар) и др.

Интересными были доклады и сообщения на секции «Духовная культура Севера». Н. П. Воскобойникова (Москва) в докладе «К истории церкви Кеврольского уезда в XVII—XX вв.» охарактеризовала разнообразные архивные источники по истории церковного строительства на Пинеге, в пределах бывшего Кеврольского уезда. С. О. Шаляпин (Архангельск)

охарактеризовал три «пика» культуроформирующей деятельности Николо-Корельского монастыря, расположенного в устье Северной Двины (XV, XVI и XVII вв.). Новые архивные документы были проанализированы в докладе К. А. Чудинова (Архангельск) «Православная христианизация саамов в XIV—XVI вв.». В. А. Колобанов (Владимир) соотнес литературные произведения с памятниками владими́ро-суздальского зодчества в XIII—XVI вв., сделав вывод о том, что владими́ро-суздальское культурное наследие стало «колыбелью художественного творчества поднимающейся Москвы и создаваемого ею общерусского государства». О важном книжнике Л. А. Гребнев рассказывал В. К. Семибратов (Киров). Спискам жития Антония Сийского было посвящено выступление Е. А. Рыжовой (Ленинград). Целый ряд докладов включал персоналии видных книжников и авторов житий — Елеазра Анзерского (С. К. Севастьянова, Новосибирск), старца Соловецкого Мисаила (Л. М. Орлова, Ленинград), протопопы Аввакума Петрова (В. В. Калугин, Москва), Диодора Юрьегорского (Г. П. Гунн, Москва), соловецкого инок Епифания (О. Я. Каманова, Ленинград), книжников Сольвычегодска (А. Н. Власов, Сыктывкар) и т. д. М. И. Мильчик (Ленинград) проанализировал традиции и новации в домовой росписи на Ваге во второй половине XIX в. Немецкой слободе в градостроительной структуре Архангельска посвятила свое выступление Л. Д. Попова (Архангельск). Об организации природно-исторических памятников на Летнем берегу Белого моря («Куртяева», «Кедры на Режеме», «Сюзьма», «Тальцы») рассказал А. И. Климов (Северодвинск). А. Н. Давыдов и А. В. Ружников (Архангельск) в докладе «Ономастикон поморских судов XIX — начала XX в.» разработали предварительную классификацию названий судов по лексико-семантическим группам («сакральная», «антропонимическая», «мемориальная», «абстрактно-апотропоическая», «зоонимическая», «функционально-промыслово-морская», «экзотическая», «астрономическая», «географическая» и др.).

На секции «Экология культуры. Этнография и фольклор. Археология» были заслушаны теоретические сообщения по экологии культуры: «Экология в системе культуры» (Б. Н. Молчанов, Сыктывкар), «Триада: Этнос — Культура — Природа» (А. Н. Калабанов, Архангельск), «Анализ динамики тепла и влаги на Соловках в связи с экологическим прогнозированием» (Б. В. Ермолин, Архангельск) и др. Вызвали интерес доклады археологов: «Островная культура древнего Беломорья» (А. Я. Мартынов, Соловки), «Об археологическом изучении города Архангельска» (А. Е. Беличенко, Архангельск). В своем докладе «Меморат как новый вид фольклорного и исторического источника» В. А. Бердинских (Киров) напомнил о рекомендации международной конференции «Россия, СССР в XX веке» (апрель 1990 г.) использовать методику устной истории, организовать целенаправленную работу по сбору устных рассказов о прошлом. В докладе М. Л. Сельковой (Архангельск) «Становление народного образования у ненцев в 1923—1934 г.» приведены новые факты о создании в национальных районах Крайнего Севера за сравнительно короткий срок сети учебных заведений, формировании национальной народной интеллигенции. А. Н. Давыдов и Н. М. Теребихин (Архангельск) выступили с докладом «Традиции освоения арктического пространства поморами», в котором были рассмотрены механизмы освоения пространства у русских поморов. Культурное освоение Поморья сопровождалось, по мнению докладчиков, созданием символической классификации пространства (оппозиция: «море» — «гора»); поморская «роза ветров» занимала центральное место в системе пространственной ориентации на море (отражена, например, в морском этикете). Хозяйкой ветров, по представлениям поморов, являлась Пятница, соотнесенная с ветром в глубинных коннотациях морской технологии. Мифологический образ ветра как весьма вредоносной силы играл существенную роль в традиционной народной медицине (например, все «морские» болезни происходят якобы от «стрел», напускаемых по ветру с Корелы. Карелы, как и другие «инородцы», наделались русскими поморами хтоническими характеристиками, а образ карела сливался с образом колдуна; его приглашали для лечения «морских» болезней, на свадьбы, похороны людей, погибших странным или неестественным образом; искусство карела-кораблестроителя было обусловлено в сознании помора связью мастера с нечистой силой). Эти представления являлись одним из важных механизмов функционирования морской культуры как интерэтнического явления.

На секции «Политическая ссылка на Севере и ее вклад в культуру» были заслушаны и обсуждены доклады, в которых рассматривалась роль сыльных революционеров второй половины XIX — начала XX в. в изучении производительных сил Сибири и европейского Севера. С. Я. Косухин (Ленинград) и В. В. Малиновский (Москва) в докладе «Вклад политических сыльных в изучение и развитие производительных сил и культуры Севера» обстоятельно осветили научную и культурно-просветительную деятельность П. С. Ефименко, В. В. Берви-Флеровского, В. И. Маноцкова, А. П. Скляренко, Н. В. Романова, А. Н. Масленникова, В. Н. Масленникова, Н. М. Зобнина, М. В. Келлера, С. А. Полузадова, В. А. Радус-Зеньковича, К. А. Воллосовича и др. О сыльном В. А. Русанове рассказывал В. И. Чупров (Сыктывкар). Новые архивные материалы использованы в сообщении А. В. Беднова (Архангельск) «Пинежская ссылка А. И. Рыкова». В докладе П. С. Троева (Якутск) «Революционная мораль сыльных народников» исследованы мировоззренческие позиции сыльных революционеров, их моральные нормы. Доклад построен на ценных архивных источниках. М. Н. Супрун (Архангельск) рассказал о применении количественных методов в изучении истории политической ссылки в Архангельской губернии (см.: Супрун М. Н., Косухин С. Я. Политическая ссылка на европейском Севере в конце XIX — начале XX в. Краткий библиографический словарь. Вып. I. 1895—1905 гг. Учебн. пособие. Вологда, 1989). На секции был заслушан также доклад Н. Ю. Тележенко и Л. А. Максимовой (Сыктывкар) «Лагерные театры в контексте культуры Коми АССР в 1930—1940-х годах».

В последний день конференции состоялось 16-е Годичное собрание Вологодского проблемного объединения по аграрной истории европейского Севера РСФСР и Северного отделения Археогра-

фической комиссии АН СССР. С кратким заключительным докладом выступил председатель проблемного объединения А. В. Камкин (Вологда), который подвел итоги работы за год большого коллектива исследователей северного региона.

А. А. Куратов

© 1992 г., ЭО, № 4

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

28—30 января 1992 г. в Научно-исследовательском ин-те «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)» РАН проходил научный симпозиум «Памятники письменности как этнографический источник», организованный Отделом общей этнографии.

Цель симпозиума — выявление информационных ресурсов разных видов памятников письменности и оптимальных условий их использования в этнографических исследованиях. При этом под памятниками письменности понимались тексты прежде всего исторического (в т. ч. деревенские и городские хроники, поленные записи и т. п.), литературного (в т. ч. произведения профессиональной литературы), бытового (в т. ч. переписка частных лиц, семейные альбомы), делового (в т. ч. актовые материалы) и тому подобного характера. Разрабатывая программу симпозиума, организаторы его строго не ограничивали тематику, место и время происхождения и бытования этих памятников, однако рекомендовали в большей степени сосредоточиться на памятниках XVIII—XX вв. как непосредственно предшествующих и сопутствующих этнокультурным процессам современности.

К участию в симпозиуме были приглашены этнографы, фольклористы, историки (в т. ч. историки культуры), литературоведы и представители других смежных научных дисциплин. Таким образом был обеспечен его междисциплинарный характер, что, в свою очередь, позволило включить в поле зрения специалистов-этнографов нетрадиционные для этнографической науки письменные источники, а также предложения по методике их разыскания и интерпретации.

В работе симпозиума участвовали ученые, представлявшие различные академические учреждения С.-Петербурга: Научно-исследовательский институт МАЭ, Институт востоковедения, Институт русской литературы, а также С.-Петербургский университет и Государственный музей этнографии. Среди участников симпозиума были ученые из других регионов Российской Федерации, из этнографических центров Латвийской и Эстонской республик.

Открывая симпозиум, А. С. Мыльников (С.-Петербург) отметил, что большие и пока еще недостаточно использованные в этнографических исследованиях информационные ресурсы памятников письменности в последние годы вызывают все больший интерес со стороны этнографов ряда зарубежных стран. Хотя в нашей стране в этой области имеется немало ценных публикаций, работа над ними велась и ведется разобщенно, как правило, без осознанно этнографической направленности, и лишена методического единства. А. С. Мыльников указал также, что в ходе симпозиума хотелось бы обсудить: 1) парадигмы народного сознания в отражении памятников письменности с выявлением, когда это возможно, их соотношения с материальными формами этнической культуры (например, синхронность письменных текстов и вещевого материала); 2) возможности, заключенные в памятниках письменности, для изучения генезиса этнического самосознания (утверждение общенационального самосознания, этнической идентификации и ментальности; роль межэтнических контактов и иных внешних стимулирующих факторов); 3) этнографические аспекты, включая этнографический субстрат и фольклорные истоки, произведений художественной литературы в контексте взаимосвязей различных социальных срезов культуры (элитарной, городской, крестьянской и т. п.); 4) вопросы этнокультурного источниковедения (методика эвристики, атрибуции, комментирования, экспонирования, музейного хранения и т. п.).

Б. Н. Путилов (С.-Петербург) в докладе «О специфике фольклорных материалов в этнографии» подчеркнул, что проблему «фольклор как этнографический источник» необходимо соотносить с пониманием фольклора как организической части этнографической действительности. Этнографы нередко опираются на фольклорные тексты, ставшие фактом книжной культуры, не используя в должной мере собственные полевые наблюдения; образцом правильного подхода являются, по мнению докладчика, исследования Бр. Малиновского, органически объединившего опыт этнолога и фольклориста. Б. Н. Путилов считает, что работа этнографа над опубликованными фольклорными текстами должна включать текстологическую критику, а главное — учитывать их жанровую природу, художественную специфику, функциональные связи, контекст, глубинную семантику, законы и правила сюжетообразования.

Весьма актуальные на сегодня вопросы организации хранения и обработки письменных памятников с помощью современной компьютерной техники освещались в докладе И. Г. Тихоновой (С.-Петербург). Наиболее широко применяемые системы — системы обработки больших текстовых массивов. Было отмечено, что в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН